

риалов, отсутствие квалифицированных кадров, неразвитость смежных производств и т. д.). Это обусловило снижение заданий, недогрузку цехов и рост себестоимости продукции. Подчиненность автомобилестроительной отрасли вышестоящим органам хозяйственного руководства лишало их экономической самостоятельности. Снижалась эффективность технической помощи, росло недоверие между компанией Форда и ее заказчиками в СССР, которое закончилась в 1935 г. досрочным прекращением договора, но с отказом от взаимных претензий.

В советских «фордовских» заводах отразились (на микроуровне) характерные особенности сталинской модели индустриализации. Главной задачей стало выполнение количественного плана, что обернулось консервацией отсталости. Длительная несменяемость базовых технологий и работа в основном на внутренний рынок стали условиями развития массового производства автомобилей в СССР.

13 сентября 2006 г., 169-е заседание

Заседание прошло в форме «круглого стола» на тему «Экономическая история сегодня: мнения участников XIV Международного Конгресса экономической истории (Хельсинки, август 2006 г.)». Мнения участников конгресса см. на с. 108–126.

25 октября 2006 г., 170-е заседание

Заседание открылось кратким сообщением М. Элмана на тему «Советская индустриализация: замечательный успех? (рефлексии на книгу: R.C. Allen. *Farm to factory: A reinterpretation of the Soviet industrial revolution*. Princeton, 2003.)». Рецензию М. Элмана на данную книгу см. на с. 218–228. Затем был представлен доклад С.В. Беспалова, который публикуется ниже.

С.В. Беспалов

Дебаты о политике экономической модернизации в России на рубеже XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX столетий процесс модернизации охватил все основные сферы жизни российского общества — экономическую, политическую, социальную, правовую. Однако первопричиной происходивших в стране перемен являлись изменения в экономическом базисе. Ведущая роль в этом процессе, несомненно, принадлежала государственной власти, которая

своим активным вмешательством в экономические процессы в значительной степени определяла направление и темпы развития промышленности и сельского хозяйства. В то же время русская экономическая мысль переживала период значительного подъема; появляется целый ряд оригинальных концепций, учитывавших как передовой опыт высокоразвитых стран Запада, так и специфику экономического строя России. Можно говорить также о достаточно стройной концепции, сформулированной правительственными реформаторами и более или менее последовательно проводившейся в жизнь. Это придавало полемике власти и ее оппонентов серьезный, а во многом и вполне конструктивный характер. Сравнительное изучение различных концепций социально-экономических преобразований предоставляет возможность проанализировать существовавшие альтернативы общественного развития. В частности, значительный интерес представляет полемика представителей правительственных структур и их оппонентов из леволиберального лагеря, не прекращавшаяся на протяжении 1890-х — начала 1900-х гг., и еще более обострившаяся после событий 1905 г., так как с этого времени определились политические позиции большинства писавших на экономические темы авторов, вплоть до партийной принадлежности; сказались, безусловно, и практически полное снятие цензурных ограничений, и появление в России полноценной публичной политики.

Важнейшей целью экономической политики правительства России в 1890-х — начале 1900-х гг., проведение которой связано, прежде всего, с именем министра финансов С.Ю. Витте, было обеспечение форсированного развития отечественной промышленности. Ключевую роль в реализации этого курса, наряду с финансовой реформой, развитием железнодорожной сети и привлечением иностранных капиталов в экономику страны, играл промышленный протекционизм. Можно констатировать, что реализация данного курса положила начало индустриализации России. Поэтому вполне естественно, что политика протекционизма в конце 1890-х — 1900-х гг. постоянно оставалась предметом дискуссий между экономистами, государственными и общественными деятелями России. Уже к началу 1900-х гг. представители различных слоев населения начали ощущать первые позитивные результаты проводимой правительством политики и осознавать, что она отвечает стратегическим интересам страны. В то же время реализация данного курса требовала серьезных жертв со стороны большинства населения; естественно поэтому, что вопрос о соотношении цели и средств, о той цене, которую может и должна заплатить Россия за форсированную индустриализацию, в течение долгого времени находился в эпицентре общественной борьбы. Оппоненты Витте акцентировали внимание на таких издержках реформ, как осязаемое удорожание, вследствие протекционизма, большинства промышленных товаров (и отечественного производства, и импортных), высокие налоги, прежде всего косвенные, сокращение дохо-

дов от продажи российского зерна на мировом рынке; отмечалось отсутствие полноценной конкурентной среды, принимавшая порой нездоровые формы учредительская активность, а также чрезмерная ориентация многих промышленников на государственные заказы. Все это в сочетании с опасениями по поводу жизнеспособности нарождавшейся отечественной промышленности, а также недовольством многих либералов чрезмерным, по их мнению, разрастанием экономических функций государства делало неизбежной резкую критику правительственного курса и существование мощной оппозиции ему. Особенно усилилась эта критика в период экономического кризиса первой половины 1900-х гг., ставшего одной из причин отставки С.Ю. Витте с поста министра финансов.

Однако критика эта оказалась по большей части несостоятельной. Дальнейшим развитием российской промышленности, после преодоления кризиса, были опровергнуты утверждения об искусственности и, следовательно, обреченности «насаждаемой» индустрии. Кризис не подорвал основ промышленности, а обеспечил переориентацию многих предприятий с государственных потребностей на рыночные, создав тем самым предпосылки для их дальнейшего развития, содействовал повышению конкурентоспособности российской индустрии, существенному росту производительности многих предприятий. За все годы кризиса ни разу не произошло снижения суммы основных капиталов всех акционерных компаний России; в то же время наблюдалось перераспределение капиталов между различными отраслями (более всего в этот период увеличились капиталы предприятий обрабатывающей промышленности), что в некоторой степени содействовало ликвидации тех действительно существовавших диспропорций, которые возникли в первое десятилетие ускоренного промышленного развития.

Не вполне справедливыми являлись и адресованные правительству обвинения в том, что, покровительствуя промышленности, оно совершенно не уделяло внимания ситуации в аграрном секторе: можно отметить снижение в конце 1890-х гг. пошлин на сельскохозяйственную технику и удобрения, не производившиеся в стране, и ряд других мероприятий. Конечно, нельзя не признать, что промышленный подъем конца XIX столетия был осуществлен в огромной степени за счет российского крестьянства, благодаря «выкачиванию» из деревни колоссальных средств. Но в то же время возникшая промышленность предоставила миллионам крестьян возможность дополнительных заработков в городах, способствовала повышению уровня оплаты труда сельских рабочих, обеспечивала отток рабочих рук в города, что в условиях аграрного перенаселения и вызванного им относительного малоземелья было безусловным благом.

Наконец, едва ли возможно признать справедливым упрек правительству в недостаточном вложении средств (или, тем более, направлении капиталов) в сельское хозяйство; капиталы в аграрный сектор российской эко-

номики могли быть привлечены лишь в результате осуществления аграрной реформы, предпосылки которой и были созданы в огромной степени именно политикой индустриализации. В то же время необходимо иметь в виду, что для России на рубеже XIX–XX вв., в отличие от стран Западной Европы, аграрное развитие имело самостоятельное значение; эта специфика была осознана многими реформаторами, в том числе и Витте, лишь к концу 1890-х гг.; именно с этого времени они настаивали на необходимости кардинальных преобразований в аграрном секторе. Однако реформа была начата лишь в 1906 г.

Далеко не все цели политики Витте были реализованы. Так, например, не удалось добиться отмены многих ограничений, тормозивших процесс экономической модернизации, таких, как разрешительный порядок регистрации некоторых новых предприятий и т. д. Колоссальные средства продолжали расходоваться на поддержку дворянского землевладения. Но все же ценой огромных усилий, преодолевая ожесточенное сопротивление реакционной части помещичьего дворянства, Витте удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики.

Оппонентами правительства были верно подмечены некоторые недостатки и «перегибы» в осуществлении покровительственной политики, однако ими не было предложено серьезной программы, альтернативной проводимому курсу. Противопоставляя его промышленной политике передовых индустриальных держав Запада, они игнорировали тот факт, что практически все эти страны прошли в своем развитии этап государственной поддержки молодой промышленности; для России же, начавшей индустриализацию позже других и в силу этого вынужденной форсировать данный процесс, отказ от покровительства национальной промышленности означал бы включение ее в систему международных экономических отношений далеко не равноправным партнером индустриально развитых держав. Необходимо также отметить, что возвращение к промышленному протекционизму в первой половине 1900-х гг. многих европейских стран, причем, в отличие от России, уже завершивших индустриализацию, явилось убедительным опровержением доводов тех, кто объявлял эту политику уделом лишь безнадежно отсталых государств.

25 ноября 2006 г., 171-е заседание

На заседании был представлен доклад доктора исторических наук В.Л. Степанова (ИРИ РАН) на тему «Влияние идей немецкой экономической науки и опыта экономической политики Германии на реформы в России во второй половине XIX — начале XX в.»